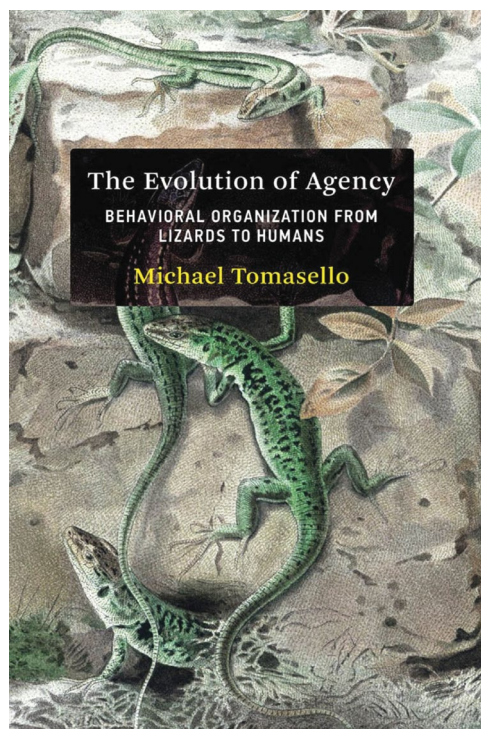

ВВЕРХ ПО СТУПЕНЯМ АГЕНТНОСТИ: КОГДА ЭВОЛЮЦИЯ СТАНОВИТСЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ (РЕЦ. НА: TOMASELLO M. THE EVOLUTION OF AGENCY: BEHAVIORAL ORGANIZATION FROM LIZARDS TO HUMANS. CAMBRIDGE, MA: THE MIT PRESS, 2022. 164 P.)

А.Г. Козинцев

Александр Григорьевич Козинцев | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | д.и.н., главный научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Социологический и психологический термин “агентность” (способность к сознательному выбору и действию) все еще немного режет слух — нам гораздо привычнее философский термин “субъектность”, означающий примерно то же. Но по-английски термин *subjectness* в таком значении употребить нельзя, ибо он значит прямо противоположное — подчиненность. Жертвами этого “ложного друга переводчиков” становятся авторы, для которых английский язык не родной (Vetoshkina 2013).

Майкла Томаселло — “американского Выготского”, как его назвала Т.В. Ахутина (Ахутина 2011), — не надо представлять нашему читателю. Само по себе такое сравнение заранее заставляет думать, что перед нами вполне марксистская книга. Правда, ни Выготский, ни тем более Маркс и Энгельс в ней не упомянуты, но в другой своей

Рецензия поступила 27.02.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 27.02.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Козинцев А.Г. Вверх по ступеням агентности: когда эволюция становится революцией (рец. на: Tomasello M. The Evolution of Agency: Behavioral Organization from Lizards to Humans. Cambridge, 2022) // Этнографическое обозрение. 2024. № 5. С. 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050152> EDN: AQGZNM

Kozintsev, A.G. 2024. Vverkh po stupeniam agentnosti: kogda evoliutsiia stanovitsia revoliutsiei [Up the Staircase of Agency: Evolution Turned Revolution]: A Review of *The Evolution of Agency: Behavioral Organization from Lizards to Humans*, by M. Tomasello. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050152> EDN: AQGZNM

книге автор высказывается вполне определенно: «Я заимствовал у Выготского основополагающую гипотезу о том, что большинство уникальных аспектов “высшего познания” или даже все они тем или иным способом происходят из социального взаимодействия» (Томаселло 2011: 26).

Каким же образом психика достигла человеческой стадии с ее, по выражению Томаселло, “выготскианским интеллектом”, отличающим ее от психики обезьян с их “макиавеллиевским интеллектом”? Так как непосредственно изучить психику наших ископаемых предков нельзя, автор идет единственно возможным путем — рассматривает современные таксоны, различающиеся по эволюционному возрасту. Таким способом он выделяет пять последовательных стадий: 1) древнейшая стадия — беспозвоночные (в качестве примера взяты нематоды); 2) ранние позвоночные (пример — ящерицы); 3) ранние млекопитающие (пример — белки); 4) высшие обезьяны (пример — шимпанзе); 5) человек. Получается как бы *scala naturae* в современной версии — ведущая не к Богу, а к человеку.

Оправдана ли такая схема, если известно, что эволюционный процесс подобен древу, а не лестнице? Оправдана в той мере, в какой ветви древа не расходятся равномерно в разные стороны, а последовательно отделяются от общего ствола и доживают до современности, как и сам ствол, который в таком случае показывает нам “магистральную линию” — путь эволюционного прогресса (А.Н. Северцов назвал такой тип эволюции ароморфозом). Отсюда и аналогия с “лестницей существ”. В некотором смысле все выбранные Томаселло группы — реликты, наши “живые прямые предки”. Даже шимпанзе не исключение. Хотя по отношению к человеку это сестринская ветвь, а значит, времени на прогрессивную эволюцию у них было ровно столько же, сколько у нас (6 млн лет), изменения, происшедшие с ними за это время, настолько меньше тех, которые произошли с нами, что один из ведущих приматологов — Р. Рэнгем — отнес нашего гипотетического общего предка к тому же роду, что и современных шимпанзе — *Pan* (Wrangham 2001). Выходит, зря мы делали замечание студентам за расхожее выражение “человек произошел от обезьяны”? Если бы Томаселло убрал из своей схемы человека, эволюция закончилась бы на шимпанзе, и перед нами была бы та же лестница, только без верхней ступени.

Стадии эволюции психики, по Томаселло, таковы. Наиболее примитивные “живые ископаемые” в ряду наших предков — нематоды. Это первые существа, имеющие нервную систему. Они не ставят никаких целей, не принимают решений, стало быть, они не субъекты, а всего лишь объекты эволюции, и никакой, даже зачаточной агентности им приписать нельзя. А вот рептилиям — можно: они способны ставить цели и принимать решения. Хотя это целеполагающие агенты, их целеполагание не подчинено психическому контролю — оно рефлексивно и бессознательно. Параллельная эволюция привела к тому, что зачатки агентности можно заметить и у существ, находящихся в стороне от эволюционного ряда наших предков, а именно у социальных насекомых — муравьев и пчел.

Сознательное целеполагание впервые обнаруживается у ранних млекопитающих, подобных белкам, крысам и др. Это интенциональные (сознательные) агенты. Над тем единственным (операционным) уровнем деятельности, которым обладают рептилии, у них надстроен еще один, который Томаселло называет исполнительным (*executive*), т.е. контролирующим. С этого метауровня впервые появившаяся инстанция — сознание — наблюдает за целями животного, его действиями и их результатами. Благодаря этому поведение становится не только

реактивным, по принципу “стимул — реакция”, но и проактивным. Это значит, что хранящаяся в памяти информация, существенная для достижения цели, активируется еще до появления непосредственного стимула к действию, вследствие чего животное способно предвидеть помехи, возникающие на пути к цели, и вовремя с ними справиться. На этом уровне возникают эмоции, адаптивный смысл которых становится понятнее, если рассматривать выразительные движения как социальные сигналы. Благодаря параллельной эволюции сознание возникает и у некоторых представителей сестринской ветви млекопитающих, а именно у птиц — в особенности опять-таки социальных.

У высших обезьян мы видим еще одну эволюционную надстройку — второй метауровень контроля. Томаселло называет его рефлексивным. Речь идет о разуме. Теперь перед нами уже не просто сознательные агенты, но и рациональные. Они способны не только контролировать свое поведение, но и наблюдать за тем, как именно они это делают и как это делают их собратья. Мыслящее существо способно понять, что его взгляд на мир — не единственный; возможны и другие точки зрения, причем из них можно выбирать. Появляется осознание того, что это разные точки зрения на один и тот же внешний мир, законы которого, следовательно, становятся доступны разуму. Впервые перед нами поведение, которое можно назвать разумным — настолько, что некоторые психологи павловской школы, опережая эволюционные события, говорили о “довербальном языке” шимпанзе (*Фирсов* 1983). Едва ли этот термин удачен — речь идет не о коммуникации, а о способности к обобщению обобщений. Наверно, нечто похожее имел в виду Грегори Бейтсон (*Бейтсон* 2000: 238–244), когда говорил об “обучении III”, или “мета-метаобучении” (обучении об обучении об обучении).

Здесь необходимо остановиться и вспомнить, что помимо психологии есть еще философия, которая до сих пор оставалась в тени. Но когда разговор заходит о внешнем мире, немедленно возникает вопрос: откуда мы (вместе с высшими обезьянами, если верить Томаселло) знаем, что он существует? Автор, несомненно, понимает, что идет по пути, проложенному марксистами. Но он, возможно, не сознает, что сталкивается в данном пункте с той же проблемой, с которой столкнулись и они, пытаясь “научно” обосновать существование объективной реальности. Показательны слова А.Н. Леонтьева, особенно много сделавшего для такого обоснования. Говоря о ленинской теории отражения, он пишет:

Величайшее значение этого для науки заключается в том, что психическое, изначальность которого постулировалась идеализмом, превращается в проблему научного исследования; единственным же постулатом (! — А.К.) остается признание независимого от познающего субъекта существования объективной реальности. В этом и заключается смысл ленинского требования (! — А.К.) идти не от ощущения к внешнему миру, а от внешнего мира к ощущению, от внешнего мира как первичного к субъективным психическим явлениям как вторичным (*Леонтьев* 2004: 41).

Постулат принимается без доказательств, а потому для полной надежности остается лишний раз “потребовать”, чтобы он оставался незыблем. Психологи, настроенные менее догматично, пришли к выводу о полной невозможности научно доказать первичность бытия (*Челпанов* 1912). Напротив, некоторые философы-мистики, подобно марксистам, постулировали его существование

без доказательств (Лосский 1906). Шаг, надо признать, вынужденный, ведь позитивизм устраивает далеко не всех, большинству из нас нужно верить, что мы открываем законы реальности, а не предаемся умственным играм. Поэтому попытка Томаселло в очередной раз научно обосновать первичность бытия вызывает сочувствие. Забавно, однако, что первыми разумными существами и одновременно первыми философами-материалистами оказываются у него не люди, а шимпанзе, для которых реальность внешнего мира — логически необходимое следствие множественности точек зрения на него.

Но если уже ранние млекопитающие наделены сознанием, а высшие обезьяны — разумом (с чем многим читателям, вероятно, нелегко будет согласиться), что же остается на нашу долю? Вот ответ Томаселло:

Люди действуют, как нормативные существа, обладающие разными видами коллективной агентности, что позволяет им преследовать совместные цели <...> На протяжении долгого периода онтогенеза у индивидуумов развивается способность строить новую, уникальную для данного вида нишу <...> — объективно-нормативную среду. Она противостоит личным, субъективным взглядам и ценностям и беспристрастно выносит общеобязательное решение о том, во что надо верить и как надо поступать (с. 131).

Значит, не просто разум, а коллективно-нормативный разум противопоставляет нас высшим обезьянам. Сколько насмешек сыпалось в последние десятилетия на фразу о “зоологическом индивидуализме” наших предков! Но факты, приводимые Томаселло, убеждают в том, что она совсем не далека от истины. Приведу наугад один из несчетного множества примеров. Самка орангутана, которая не может просунуть руку в отверстие, чтобы достать пищу, заставляет своего детеныша это сделать — и тут же отбирает у него добычу. Шимпанзе практикуют деление пищи, но отнюдь не бескорыстно, а во всеоружии своего “макиавеллиевского интеллекта”. Они редко помогают друг другу, редко ставят совместные цели (дети делают это уже в возрасте года с небольшим) и редко общаются даже во время деятельности, казалось бы, максимально близкой к человеческой, — во время охоты и когда колют орехи. У них практически отсутствует то, благодаря чему существует человеческое общество — “совместная зона внимания”, как назвал ее Томаселло.

Социальные нормы закрепляются благодаря языку, который становится возможным и необходимым благодаря высшему метауровню контроля — социально-нормативному. Хитрые и расчетливые эгоисты, подобные нашим ближайшим родственникам в животном мире, не смогли бы создать язык хотя бы потому, что он им совершенно не нужен.

Итак, вот грань, отделяющая человека от всех его предшественников, вместе взятых, — язык. Что же до прочих граней, то впечатление разрывов постепенности на эволюционном пути от нематоды до шимпанзе создается во многом благодаря тому, что выделенные стадии — всего лишь вехи на этом пути, разделенные громадными промежутками времени. Эволюция психики в этих промежутках покрыта мраком. Как, например, обстоит дело с ранними позвоночными — рыбами, амфибиями? Какова психика полуобезьян и низших антропоидов? Томаселло признает, что на эти вопросы пока нет ответов. Но если так, то изящная (отдадим должное автору!) схема с последовательными надставками уровней и метауровней психического контроля остается схемой. В прогрессив-

ном усложнении психики сомнений нет, но разрывы постепенности (марксисты называли бы их диалектическими скачками из одного качества в другое) пока что требуют дополнительного обоснования. Несомненным остается лишь один, самый последний, — появление языка.

Автор убедительно доказывает несостоятельность так наз. эволюционной психологии — весьма догматичной теории, пытающейся доказать, будто человек адаптирован к условиям палеолита, причем по какой-то странной причине у него не меньше, а больше инстинктов, чем у животных. На самом деле человек адаптирован не к какой-то конкретной эпохе, а к культуре в целом во всем многообразии ее форм. В самом индивидуалистическом, на первый взгляд, обществе люди остаются коллективистами (“социально-нормативными агентами”), хотя, конечно, не универсальными. Любое общество структурировано по принципу “мы — они”.

Книга Майкла Томаселло отличается четкостью структуры, она вполне доступна широкому читателю, и было бы очень желательно увидеть ее в русском переводе.

Научная литература

Ахутина Т.В. Рец.: Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011 // Вопросы психолингвистики. 2011. № 2 (14). С. 209–211.

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.

Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1906.

Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.

Фирсов Л.А. Довербальный язык обезьян // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 1983. Т. 19 (4). С. 381–389.

Челпанов Г.И. Мозг и душа. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1912.

Vetoshkina L. Subjectness and the Revitalization of a Traditional Craft: Activity-Theoretical Analysis of Wooden Ship and Boat Building. Helsinki: University of Helsinki, 2013.

Wrangham R.W. Out of the Pan, into the Fire // Tree of Origin: What Primate Behavior Can Tell Us about Human Social Evolution / Ed. F.B.M. de Waal. N.Y.: Academic Press, 2001. P. 124–126.

Book Review

Kozintsev, A.G. Up the Staircase of Agency: Evolution Turned Revolution [Vverkh po stupeniam agentnosti: kogda evoliutsiia stanovitsia revoliutsiei]: A Review of *The Evolution of Agency: Behavioral Organization from Lizards to Humans*, by M. Tomasello. *Этнографическое обозрение*, 2024, no. 5, pp. 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050152> EDN: AQGZNM ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alexander Kozintsev | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)